

23 октября вместе с нами отмечает свой День Рождения выдающаяся актриса азербайджанского Театра русской драмы Людмила Духовная.

Без малого шесть десятков лет служения сцене, невероятная преданность своему делу и родному городу. Талантлива, красива, с непростым характером, при этом никакого намека на звездность. Находясь на вершине, она не потеряла способности сомневаться. А главное, она творит, несмотря ни на что!

Дорогая Людмила Семеновна, от всей души поздравляю Вас и желаю не болеть, ну, хотя бы в ближайшие лет 20!!! А все остальное у Вас есть.

Ниже мой корявый литературный опыт – посвященный Вам рассказ.

Эмин М.

ПЯТЬ ШАГОВ

Л. Духовной посвящается

Она. Она была актрисой... Этим утром Она проснулась раньше обычного. Хотя можно ли назвать сном то, что с ней происходило вот уже которую ночь?! Она просто решила, что наступило утро, прочертив сознательно границу между двумя состояниями, выйдя из-за кулис сна на сцену бодрствования. Успокоительные капли на столе, текст «Сада», отдельно слова Раневской (как давно она жаждала этой роли!), стихи никому не известной поэтессы, пьеса доморощенного драматурга... Как же ей надоели эти дилетанты от пера! Наконец-то настоящая классическая роль у абсолютно профессионального режиссера! Но мысль эта согревала недолго: она вдруг вспомнила, что и Он начинал свой путь не с гуманитарным корешком в кармане, да и долгожданная роль никак не дается...

Он. Он не был красавцем. Ни дивный рост, ни ширина плеч, ни простынно-подушечная ловкость не были сильными сторонами этого, тем ни менее, невероятно манкого и столь же уверенного в себе человека. И если первым Она обладала от рождения, то второму училась всю жизнь. В том числе и у него. Она уже с трудом вспоминала детали их знакомства, те романтические мелочи, что еще пару десятков лет назад могли согреть душу, нахлынув воспоминанием в какой-нибудь зябкий осенний вечер. Все давно и надежно растворилось в прошлом. Но забыть его глаза?!... Те, образца их совместной молодости... Глаза, которые смотрели на Нее не только любовно, но стали очень скоро глазами наставника, учителя, отца, если угодно, бога... Забыть их было невозможно! Как невозможно было их... предать.

Умывалась Она долго – тянула время. Нужно было еще заехать в салон, уложить волосы и «нарисовать» лицо. Когда дело дошло до ополаскивателя зубов, обнаружилась его сомнительная лужица на дне плоской пластиковой бутылки под Ее смачный «французский»... Чашка бодрящего кофе, телефон на кухонном столе и Она в легком халате, бросившая на экран своего ручного гаджета брезгливый взгляд. **ОНИ** должны были позвонить еще и утром. Зачем?! Ей казалось, что все вопросы уже оговорены, к чему эти формальные звонки?! Как ни странно, Она меньше всего сейчас думала о НИХ – да, Она примет участие в этой передаче, да, но для себя Она решила, что будет говорить объективно. Это возможно! Хотя... кого Она обманывает?! Однако Раневская занимала ее почему-то куда как больше, ее Раневская. До премьеры оставалось всего ничего, декорации еще не были готовы, талантливый режиссер, которого работа над формой (что говорить, в его случае гениальная!) волновала куда крепче проработки образов, затянувшийся застольный период – все это бесило, но,

по большому счету, было вне зоны ее ответственности. Вот что делать с Раневской, с ее Раневской?! Стоило ли все это затевать, чтобы играть режиссерскую Раневскую, не свою?! В иной ситуации, в другом театре это можно было бы назвать конфликтом, но обстоятельства складывались так, что Она не могла допустить и мысли о конфликте. Она рисовала себе трагический образ своей героини, несколько мрачный и невероятно глубокий, а от нее требовали комедийности. Она находила, что само определение «комедия» у автора формально, постановщик же не очень нудно, но уверенно объяснял, что «комедия» – это способ подачи материала на сцене, и требование это относится прежде всего к ним, к актерам.

Смакуя ароматный напиток, находя лишь в нем единственную радость этого ужасного утра, Она вышла на крохотный балкон своего пятого этажа. «Пять этажей, пять шагов вперед к роли», – вспомнила Она. Да, именно так Он пытался толковать систему Станиславского. Право, это было смешно, как будто это Он, а не Она, закончил театральный. Иногда Он, устроив на переносице реквизитное пенсне, кричал: «Не верю!», и в этом был искрометный юмор и что-то еще, очень доброе. Нет, он еще не был самодуром, но нечто тираническое в нем уже можно было увидеть... Она вернулась. Проклятый телефон все-таки зазвонил с последним глотком успешного подостыть домашнего а-ля-капучино – Они. Сдерживая раздражение, Она подтвердила свое участие и нарочито принялась уточнять детали, хотя прекрасно знала ответы на все свои вопросы. Они были, как всегда, вежливы, Она – сдержана, и тоже, как всегда. Голос из динамика подытожил: «Ну, я чувствую, что Вы в замечательном расположении духа, а значит, все пройдет нормально». Она даже улыбнулась. Нет, не звонившему, своему отражению в небольшом кухонном зеркале: «Поверил!»

Звонок заставил ее мозг поменять доминанту. Она вспомнила вчерашний эфир, где некогда коллеги, те, кого Он поднял на самый высокий пьедестал, травили своего вчерашнего гуру, не стесняясь в выражениях, замешивая их на откровенной лжи. Самое смешное, что Ее личный счет к этому человеку был во сто крат длиннее того, что могли предъявить Ему все эти «деятели культуры», вместе взятые. Однако ни Его измены, ни Его упрямое нежелание оценить ее по достоинству как актрису, никого из НИХ не интересовали, и в это странное трио (Он, Она, Они), в эти предлагаемые обстоятельства Она вписывалась меньше всего.

К счастью, лифт работал: колено не выдержало бы спуска с пятого этажа. Пять этажей... Пять шагов вперед... Она вдруг вспомнила его тихий голос, почти физически почувствовала его здесь и сейчас, в этом душном лифте. Не понимая, как принцип «Самосовершенствования» применим к отдельно взятому образу, считая, что это некий перманентный процесс, следовать которому нужно больше вне сцены, нежели на ней самой, она отчаянно спорила тогда, на переломе десятилетий. Но Он умел убеждать, убеждать и объяснять, как можно и нужно расти в работе над ролью и даже на сцене, всякий раз, даже тогда, когда отыграла в этом образе свой N-ый спектакль. Да, Она слышала его голос, тот молодой, лишенный нынешнего придыхания, когда Она робко заговорила об альтернативном методе Мейерхольда: «Тебе рано!»... Он умел обидеть. И, судя по всему, не Ее одну.

Не поздоровавшись со своим водителем, Она сухо сказала: «В салон». Из окон автомобиля залитый солнцем город казался мрачным. Ехали молча. Она вспомнила, как получила от Него в подарок к дню рождения пьесу, Его лучшую пьесу, пьесу, в которой Она так и не сыграла. Зато были другие постановки, в которых Он с неистовым наслаждением играл роль Режиссера. Интересно, смог бы Он поставить «Сад» или что-то другое, с не им придуманными героями, с сюжетом не из его головы?! Она ненадолго мысленно вернулась в театр. Настроения эта ментальная перемена не улучшила. Лопяхин раздражал невыносимо своей, столь не свойственной Ей самой, самоуверенностью, Фирс был так глуп в жизни, что и наигрывать особо не приходилось... Раздражала вечно не знавшая текста молодежь. Но все это худо-бедно можно

было пережить. А вот что делать с Шарлоттой: уж очень быстро актриса нашла себя, моментально вписалась в режиссерскую концепцию?! На фоне собственных, пока еще не удачных поисков, факт этот досаждал Ей невыносимо. Понимая, что это элементарная актерская зависть («все мы такие, не я одна!»), Она все же чувствовала, как злость с партнерши плавно переходила на саму себя.

О-оо, Она умела ненавидеть себя! И вот сейчас, сидя в кресле сублимного вижажиста и наблюдая за тем, как ее лицо принимает привычные для зрителя очертания, Она все чаще задавала себе вопрос: «Что я делаю, черт возьми?!» Было очевидно, что камни полетят в нее при любом раскладе. Более того, если Она примет участие в этом откровенном шабаше, явно бессмысленном и организованном на скорую руку, камней этих будет, возможно, не меньше, и уж точно они будут намного тяжелее. Она не могла сформулировать для себя, что бы ее ожидало, скажи Она Им нет?! Вот просто, по пунктам... И уж точно, Ей не нужно было от Них ровным счетом НИ-ЧЕ-ГО...

Оказавшись вновь в авто, посмотрев сквозь своего единственного на этом момент сидящего за рулем зрителя и дав ему очередную лаконичную команду, Она почувствовала себя плохо. Вопрос «Что я делаю?!» стал бить в висок, давая почти физические ощущения. Нервы явно сдавали. Она не сразу поняла, что мобильник проснулся в ее не по-летнему плотной сумке. Запустив туда руку, Она, к изумлению водителя, выловила из нее не телефон, а пузырек с валидолом. Нет, Она не могла понять, для чего все это, почему именно Он?! Вспоминая сейчас травлю Эфроса трупной Таганки, режиссера, у которого Ей выпало счастье играть, жуть давно минувшего буквально пригвоздила ее к креслу, хотя никаких очевидных параллелей мозг не рождал. Да и какие тут могут быть параллели?! Конечно, не могут: Он не Эфрос, хотя и вчера с экрана главного канала блевали желчью неблагодарности и очевидного свинства далеко не Филатов с Шацкой: растерянные физиономии «местного Казановы» и его вечного приложения, этой участницы забега за званиями, автора нашумевшей монографии «Флористика в поэзии Ахматовой», возникли перед Ее глазами и вызвали не то жалость, не то омерзение, не то помесь того и другого. Но дело даже не в этом: там, в далеких 80-х, все было ясно, у каждой стороны – своя правда. А какая правда у Них, у Них нынешних?!

Машина завязла в очередной пробке. Мальчик (так она называла своего водителя) загнул. Город был утомлен затянувшейся весной, никак не переходящей в полноценное лето – все, как тогда, в их заканчивавшуюся весну, ту, что никак не хотела переходить в лето. Был ли Он влюблен?! Нет, не так. Любил ли?! Господи, разумеется, любил. Тогда почему?!... Слишком много риторических вопросов в последнее время. Или это жалкая попытка оправдать себя? Собственно, за что Его так?! Он даже не был постановщиком этого «скандального» спектакля, да и сам спектакль шел за сотни километров отсюда, в других городах, других странах. Обычная антреприза, которая вот уже несколько лет разъезжает почти незамеченной. Но это Его пьеса, не гениальная, но вполне себе крепкая работа... Черт Ее дернул полететь на премьеру!

Подъезжая к телецентру, Она вдруг подумала, что вот сейчас должен грянуть гром, небо просто обязано затянуться тучами, все, как в дурном романе, но нет... Солнце ласкало, оно было за Них, оно уже предало. Она еще с минуту сидела в припаркованной машине. Затем, открыв дверь и сделав шаг, остановилась. Она припомнила далекий 75-й, когда все тот же Эфрос пригласил ее на премьеру «Вишневого сада», поставленную им в любимовском театре. О-оо, это было явление! Она сделала еще один шаг и вновь замерла от удивления. Нет, не оттого, что память сработала в столь неподходящий момент, нет. Ее удивило то, что за столько недель работы над ролью Она и не вспоминала об этом спектакле. О других – да, об этом почему-то нет.

Еще один шаг дался ей тяжело, ноги стали ватными.

Перед Ее глазами был Высоцкий-Лопухин, и Она представила себе, каким бы он был сегодня, как бы вел себя в этом паскудном мире, какую сторону баррикад предпочел бы?!

Шофер закурил в открытое окно, когда Она сделала свой четвертый шаг... Стоп!... Алла Демидова!... Она не собиралась копировать ее игру. Это было бы невозможно, поскольку у Демидовой было все, кроме одного, Ее обаяния. А что если?!... От предвкушения чего-то еще неведомого, неясного, туманного у Нее забилось сердце, и какое-то совсем материально осязаемое счастье наполнило грудь. Она сделала еще один шаг, и руки ее, раскрывшись небу, дали свободу глотке, а немногочисленные люди на стоянке, впад в ступор, услышали ее крик:

– Да-аааа!!!... Да, черт побери!

Да, Она уже знала, как играть! Как играть так, чтобы удовлетворить режиссера, не подвести коллег, а главное – не изменить самой себе. Она воспользуется демидовским цинизмом, Она помножит его на свое природное обаяние, Она... Она знает, знает, как это будет!!! Трио (Он, Она, Они) распалось: отныне есть только Она, а точнее, Любовь Андреевна Раневская, Ее Раневская!

Увидев, что хозяйка развернулась, водитель, казалось, понял все. Парень сделал то, чего от него никогда не требовали: выйдя из машины, он открыл для нее заднюю дверь, трансформировав в миг свой статус единственного зрителя в статус партнера. У нее появился партнер, а значит, по всем законам театрального искусства, Она просто обязана с ним взаимодействовать. Она сияла, улыбка обнаруживала ее морщины, но сейчас это было неважно! Она была счастлива! С каждым из пяти шагов назад Она все больше делилась своим счастьем с партнером.

– Куда? – спросил тот не то словами, не то блеском своих юношеских глаз.

И Она ответила. Ответила голосом и интонацией своей некогда сценической мамы, ее финальной репликой из спектакля, который шел в те давние времена, когда Мальчика еще и на свете-то не было:

– В Театр!...

Она была Актрисою.

Все персонажи и события данного произведения вымышленные.

Любые совпадения случайны или являются плодом воображения читателя.

Хотя ... как обойтись без него ... без воображения?!...

